

© 1994 г. А О Ш У А Н Т А Н Ь

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ МИР ГОВОРЯЩЕГО
(на примере показателя *men*)*

История китайского языкознания показывает, что традиционная грамматика, возникшая на основании изучения индоевропейских языков, навязывает этому типичному представителю изолирующих языков понятия, ему не свойственные и не играющие роли в процессе языкового общения. Такая грамматика оказывается неадекватной для описания китайского языка, поскольку она не в состоянии отразить своеобразие передачи информации и организации семантического материала в этом языке.

Китайский языковой строй в значительно большей степени ориентирован на семантику и прагматику. Грамматическая маркировка в нем непосредственно связана с текущим состоянием знания участников коммуникации и опирается на то, что для говорящего субъекта является релевантным в момент общения или создания текста [1; 2].

Служебные слова китайского языка можно скорее охарактеризовать как многофункциональные когнитивные операторы, нежели как показатели той или иной грамматической категории. В отличие от единиц "закрытых классов" европейских языков, они маркируют когнитивные категории, поскольку китайский язык свободен от словоизменения, обязывающего соблюдать зачастую избыточные правила. С другой стороны, средства выражения грамматических функций в китайском языке могут использоваться для отсылки к фрагментам наивной модели мира этого языка, в частности, для выражения эмпатии говорящего как субъекта сознания, чему и посвящена данная статья.

При описании способов репрезентации в языке концептуальных категорий, согласно [3], необходимо различать два основных уровня. На первом уровне концептуальный мир говорящего передается в рамках предложения, параграфа или текста, преимущественно, через лексические средства, принадлежащие открытым классам знаков. Второй уровень – уровень тонкой структуры (*fine structure level of language*), включающий в себя знаки "закрытого класса", такие, как грамматические элементы (в том числе и грамматические категории), частицы, морфемы, синтаксические конструкции. К такому закрытому классу относится китайский показатель *men*, который, в отличие от большинства единиц этого класса, функционирует исключительно в качестве грамматизированного служебного слова, лишенного собственной семантики, и произносится нейтральным тоном. В системе языка показатель *men* имеет двойственный статус. С одной стороны, он выступает в составе личных местоимений как суффикс мн.ч., присоединяясь к местоимениям 1 л. *wo*, 2 л. *ni* и 3 л. *ta*: *women* "мы", *nimen* "вы", *tamen* "они". С другой стороны, этот показатель может оформлять именные группы (ИГ), обозначающие общие имена, придавая последним значение множественности. Но такое оформление не распространяется на все классы существительных, ограничиваясь преимущественно категорией лиц, и не является обязательным.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

В китайском языке у имен нет грамматической категории рода и числа, а у глагола отсутствует грамматическое время. Это не препятствует ни адекватному восприятию числа и денотативного статуса имен, ни правильной ориентации во времени сообщаемого события, поскольку в языке для этого существуют другие средства – элементы открытых и закрытых классов, в основном лексические. Для нас представляется важным, чтобы описание того или иного грамматического явления обладало объяснительной силой. А последняя измеряется покрытием данной интерпретацией всех случаев употребления (анализ) и способностью построенных на ней правил обеспечивать воспроизведение правильных высказываний, содержащих соответствующие форманты (синтез), хотя бы на уровне обучения иностранному языку. Если исходить из таких критериев, приходится признать, что вопрос о показателе *men* остался открытым. Это и неудивительно, поскольку традиционная грамматика, ориентированная на неизолирующие языки, не в состоянии отразить суть механизма действия китайского языка. Такой язык требует к себе функционального подхода, иного взгляда на язык в целом, свежих идей и методик, разработанных современной лингвистикой.

Не вдаваясь в историю изучения показателя *men*, упомянем работу Люй Шусяна "О показателе *men*" [4], сохранившую свое значение до настоящего времени. В ней не только содержится анализ современных предложений с *men*, но и прослеживаются более ранние формы этого показателя. Результаты наблюдений Люй Шусяна сводятся к следующему: а) *men* принимают только ИГ категории лиц; б) если перед существительным имеется обозначение количества, *men* опускается; в) после таких слов, как *jige* "несколько", *xuduo* "много" и т.п. *men* обычно опускается; г) после ИГ с указательными местоимениями мн. ч. *zhexie* "эти" и *naxie* "те" *men* отсутствует не менее часто, чем присутствует. Как видно, только первые два пункта можно квалифицировать как условия или правила. Тем не менее, восходящее к работе Люй Шусяна мнение, что употребление формы с *men* в основном ограничено теми случаями, когда количество обозначаемых существительными лиц не уточняется иными средствами (см. [5]), бытует и по сей день. В практической грамматике, выпущенной в КНР в начале 80-х годов с предисловием самого Люй Шусяна это мнение обрело статус правила: "Если перед существительными, обозначающими лица, стоит числительное, или если в предложении содержатся другие выражения со значением множественности, ставить *men* нельзя" [6].

В.М. Солнцев, Н.Н. Коротков и др. характеризовали *men* как показатель коллективной множественности при существительных, обозначающих совокупность конкретных лиц [7], и подчеркивали, что в основе употребления *men* лежит значение не множественности, а коллективности. Н.Н. Коротков исключает возможность употребления ИГ, оформленной *men*, в родовом значении [4, с. 274]. Эти достаточно близкие мнения не подкреплены конкретными исследованиями, а различие между коллективной множественностью и множественностью вообще не определено. Видимо, понятие о коллективе (множестве людей) упомянутые авторы вывели из утверждения статьи Люй Шусяна, что показатель *men* принимают только существительные категории лиц.

Языковые употребления, анализируемые ниже, свидетельствуют, что указанные Люй Шусяном ограничения на употребление *men* не работают. Так, например, *men* сочетается с общим именем, не обладающим признаком "личности". (1a) *Yueliang gang chulai, mantian de xingxing men zhazhe yanjing* "Луна только что взошла, рассыпанные в небе звезды подмигивают друг другу". Соответствующие примеры имеются в грамматическом справочнике под редакцией самого Люй Шусяна [8]. Могут встречаться и предложения, в которых *men* появляется в ИГ с указанием конкретного числа денотатов, например, (1б) *Liang wei guniang men kuai qing wu li zuo* "Вас, двух барышень, милости просим зайти в комнату". Таким образом, употребление

показателя *men* следует рассматривать как вероятностный процесс, и можно говорить только о большей или меньшей степени вероятности его появления.

Если в языке существует какая-то форма, у которой предполагается определенное значение, и она может не появляться, когда это значение необходимо выразить, и появляться, когда это значение уже выражено другими средствами, это свидетельствует о том, что выбор данной формы с этим значением непосредственно не связан. Употребляя ее, говорящий хочет сказать что-то другое.

Прежде чем излагать нашу интерпретацию условий употребления показателя *men*, уточним денотативный статус именной группы, оформленной этим показателем. Анализ предложений, содержащих ИГ с *men*, показывает, что эти ИГ всегда имеют субстантивное употребление. Предикативные ИГ не могут сочетаться с *men*, поскольку такие ИГ не фиксируют объект, а обозначают свойства. Невозможно, например, предложение (2а) **Wo de jiejie gege dou shi daifu men* "Мои братья и сестры – все врачи".

Это означает, что ИГ, оформленные *men*, всегда вводят в рассмотрение внеязыковые объекты. Но последнее не подразумевает, что рассматриваемые ИГ не могут интерпретироваться как обозначающие родовые понятия или классы объектов (подробнее об этом см. далее). Однако в большинстве случаев ИГ с *men* употребляются как конкретно референтные, обозначающие множественные объекты. Именно поэтому возможно оформление этим показателем ИГ, являющихся вторым членом биномиального предложения, выражающего субстанциональную идентификацию (об этом виде предложения см. [9]. Ср. (2б) *Ni bie hun zhishi ren, na dou shi ban dashi de guan jia niangzi men* "Не распоряжайтесь людьми, как вам в голову взбретет, это те няни, которые отвечают за домашние торжества" (пример из романа "Сон в красном тереме" [10]). В таком предложении постсвязочная ИГ всегда референтна [11], предикативные же ИГ стоят вне референции.

Указанное свойство показателя *men* позволяет ему выступать в качестве различительного признака в следующей минимальной паре предложений с qualificативным предикатом: (3а) *Haizi de qizhiyu hen qiang* "Дети очень любознательны" и (3б) *Haizi men de qizhiyu hen qiang* "Эти дети очень любознательны". В предложении (3а) класс "дети" квалифицируется с точки зрения типичного для него свойства, а в предложении (3б) это индивидуализированные дети, находящиеся в общем поле зрения говорящего и слушающего в момент произнесения говорящим данной фразы, и предикат в ней скорее описывает ментальное состояние своего субъекта, нежели его постоянное свойство. Поскольку в обоих предложениях соответствующие ИГ соотносятся с множественными объектами, можно заключить, что функция *men* несводима к обозначению мн. ч. Но позволяет ли сопоставление примеров (3а) и (3б) предполагать, что *men* является актуализатором определенности для ИГ мн. ч.? До некоторой степени да, но не это является главной функцией этого показателя.

В китайском языке имеется морфема *xie*, которая в сочетании с показателем неопределенности (*yixie* "некоторые", *haoxie* "многие") или с указательным местоимением (*zhexie* "эти", *naxie* "те") выступает как актуализатор мн. ч. А указательное местоимение, как известно, выполняет дейктическую функцию выделения неязыковых объектов. Можно с таким же успехом сказать: (3в) *Zhexie haizi de qizhiyu hen qiang*, заменив *haizi men* ("дети" с показателем *men*) на *zhexie haizi* "эти дети". В этой связи встает вопрос, есть ли разница между предложениями, в которых имеется показатель *men* (как в (3б)), и предложениями, в которых этот показатель отсутствует (как в (3в))? Сводится ли эта разница лишь к наличию или отсутствию дейктического элемента?

Рассмотрим следующую минимальную пару высказываний, в которой признаки множественности, конкретной референтности и ситуативности (экстралингвистический объект находится в поле зрения участников общения) присущи ИГ обоих

предложений: (4a) *Zhexie haizi e le* "Эти дети проголодались" и (4б) *Zhexie haizi men e le* "Эти детки проголодались". Значение, которое добавляет показатель *men* в предложении (4б), хорошо ощущается в его русском переводе. В предложении (4a) говорящий просто констатирует физическое состояние находящихся в общем поле зрения детей, на которое он указывает. Во втором же высказывании эти дети как бы вовлечены в личную сферу говорящего, становятся предметом его внимания, забот; они выступают как частица его мира.

Понятие личной сферы говорящего ввел в современный лингвистический обиход Ю.Д. Апресян, который пишет: "В сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально – некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы, природа, поскольку он образует с нею одно целое, дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты, боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании" [12, с. 26].

Можно заключить, что показатель *men* вводит множество объектов, обозначенных ИГ, в личную сферу говорящего. Это также своего рода фигура речи, которая успешно использовалась еще автором романа "Сон в красном тереме" – классического памятника XVIII в., написанного на живом языке того времени. Вот реплика тетушки Лай – старой служанки семьи Цзя, внук которой благодаря хозяевам получил образование и выдержал экзамен на занятие чиновничьей должности – (5a) *Wo ye xi, zhuzi men ye xi, ruo bu shi zhuzi men, women zhe xi cong he lai* "Я радуюсь, радуются и хозяева, если бы не хозяева, откуда взяться такой радости?"; (5б) *Dao le er shi shang, you meng zhuzi de endian, xu ni juan ge qiancheng zai shen shang* "Когда тебе двадцать лет исполнилось, опять же по милости хозяев тебе обещано прекрасное будущее". Опускание *men* в предложении (5б) (а такое употребление повторяется четырехкратно) связано с переключением говорящего в другой речевой режим: от прямого обращения к хозяевам (слушающим является один из хозяев) тетушка Лай переходит к косвенному упоминанию хозяев в воспроизведении своего разговора с внуком, который в момент речи отсутствует.

Показатель *men* употребляется выборочно в соответствии с конституацией. Будет неуместным, например, сказать *xhexie haizi men* "эти детки" в объявлении по радио в ситуации, когда ищут маленьких детей, потерявшихся в общественном месте. Возможно только – (6a) *Zhezhe haizi shi shui de?* "Кто родители этих детей?" (букв. "Эти дети чьи?), а родитель, забирающий своих детей, мог был лишь сказать: (6б) *Zhexie haizi shi wo de* "Эти дети мои".

Анализ употребления *men* в соответствующих контекстах и собственная языковая интуиция убеждают, что личная сфера говорящего подвижна – она может расширяться настолько, что в нее оказываются вовлеченными и незнакомые говорящему люди, его "ближние" [12, с. 28]. Таким образом, если денотаты ИГ объединены неким общим свойством, которое импонирует говорящему или близко его сердцу, они вовлекаются в личную сферу говорящего, и он оформляет соответствующую ИГ показателем *men*.

Закономерности употребления *men* можно сформулировать в следующем виде:

П Р А В И Л О 1. Включение в личную сферу говорящего предполагает существование и единственность соответствующих объектов. Из этого следует, что ИГ, оформленная *men*, имеет референтное употребление. В контексте отрицания существования соответствующих объектов *men* опускается (см. пример (8б)).

П Р А В И Л О 2. Объекты, обозначаемые ИГ с *men*, непосредственно или мысленно наблюдаемы для говорящего и слушающего.

Из этого, во-первых, следует, что соответствующая ИГ является по крайней мере определенной для говорящего – (7) *Ji ge hua zhi zhao zhan de guniang men zouguo lai gen*

women da zhaohu "Какие-то девчонки, нарядные как цветочки, подошли и поздоровались с нами". Такое сравнительно редкое употребление примерно соответствует пункту (в) статьи Люй Шусяна.

Во-вторых, в личную сферу говорящего могут попадать объекты, не входящие в категорию лиц. В этом случае формы с *men* производят эффект персонификации – (8a) *Xingxing men zai tian shang zha zhe yanjing* "Звезды подмигивают мне с небес". При отсутствии в небе звезд (отрицание существования и единственности) употребление *men* невозможно – (8б) **Tian shang meiyou xingxing men* "На небе нет звезд".

В-третьих, хотя говорящий не фиксирует референта, он может обращаться с ним как с индивидуумом. Именно это позволяет сочетание показателя *men* с ИГ, которая по сути дела обозначает класс объектов – (9) *Chuntian yi dao, niao shou yu chong men dou huoyue qilai le* "Как только наступила весна, птички, зверюшки, рыбки и козявки – все зашевелились". В этом предложении ИГ имеет двоякий денотативный статус одновременно референтный и универсальный.

В-четвертых, объектом, включаемым говорящим в свою сферу, может быть множество незнакомых ему, но близких по духу людей. В этом случае ИГ можно трактовать как универсальную – (10) *Wo xiang quan shijie yiqie zhengqu renquan de zhanshi men zhiyi zhencheng de jingyi* "Я выражаю свое искреннее восхищение борцам за права человека во всем мире".

Наконец, в-пятых, ИГ, оформленная *men*, может быть родовой. Это происходит в так называемом обобщающем предложении (generic sentence) [13]. В нем выделяется наиболее типичный признак соответствующего класса при мысленном включении представителя данного класса в личную сферу говорящего.

Последний случай требует более подробного комментария. Рассмотрим пример (11a) *Shiren men zong shi [na me] duo-chou shan-gan* "Ах эти поэты, они вечно грустят без причины". В этом предложении уместность *men* определяется еще и тем, что в предшествующем тексте говорится о конкретном поэте или поэтах. Раз здесь не содержится слово *name* "так", ясно, что обращение *shiren men* "ах эти поэты" относится ко всем конкретным поэтам, которых так или иначе знает говорящий. Сходное употребление ИГ с *men* имеется и в "Сне в красном тереме": *Zhe xie xiao haizi men quan yao guan de yan* "Эти детки все как один требуют строгого воспитания" [10]. Это обобщение делается на примере конкретного представителя класса, о котором говорилось в предыдущем контексте.

Следовательно, использованный здесь адвербиальный квантор *zong (shi)* "всегда" не может интерпретироваться как квантор, ограничивающий объем денотата субъективного термина [14]. Это показывает различие между (11a) и (11б) *Suoyou de shiren dou duo-chou shan-gan* "Все поэты грустят без причины". В предложении (11a) содержится предикат состояния, а в предложении (11б) указывается свойство, характеризующее класс поэтов, поэтому по отношению к субъекту этого предложения невозможно применение *men*. Только предикат предложения (11a), содержащего формант *men*, можно понимать, как квантифицируемое явление, описывающее существование субъекта, локализованное во времени.

Таким образом, становится понятным, почему в китайском языке имена, оформленные такими местоимениями – кванторными словами как *yiqie, fanshi, renhe, suoyou* "все, всякие, любые", в одних случаях оказываются способны принять показатель *men*, а в других нет. Эти местоимения, хотя и могут выступать как кванторы всеобщности, как в (11б), отличаются от подлинных (логических) кванторов тем, что сферу действия таких выражений все же можно ограничить (это верно и в отношении частицы *dou*, функционирующей как показатель универсальности). Иными словами, когда подобные кванторы не выступают в универсальном значении, для некоторых из них появляется возможность употребления *men*, как в предложении (11в) *Suoyou de tongxue men dou lai le ma?* "Все ребята (студенты) пришли?". Однако (11г) **Suoyou de*

xuesheng men dou lai le ma? невозможно, поскольку замена *tongxue* "ребята" на *xuesheng* "студенты" исключает денотат из личной сферы говорящего. Выражение *yiqie* отличается от *suoyou* тем, что оно соотносится со всеми членами класса, если в ИГ, оформленной *yiqie*, не содержится дескрипция (как в примере <10>). Поэтому можно сказать <12а> *Yuanzi li suoyou de yinghua dou kai le* "В саду расцвели все вишневые деревья", но <12б> **Yuanzi li yiqie yinghua dou kai le* "В саду расцвели все вишневые деревья, которые есть на свете" невозможно. Однако вполне можно сказать <12в>: *Fanshi (yiqie, suoyou) yulei dou you sai* "У любой (всякой) рыбы есть жабры", поскольку здесь терм ИГ лишается конкретной референции. Из примера <12в> становится ясно, что три указанные кванторные слова применяются при установлении концептуальной связи между субъектом и признаком, свободным от пространственной или временной локализации, как в <12г> *Fanshi (suoyou) shiren dou you dian duo-chou shang-gan* "Все поэт в большей или в меньшей мере свойственно быть сентиментальными". Каждое из названных кванторных слов допускает различные ограничения сферы действия квантора, но только *yiqie* и *suoyou* способны принять *men*.

Вообще говоря, в китайском языке для обозначения универсальности не всегда необходимы указанные кванторные слова. ИГ в позиции субъекта с нулевым актуализатором, выраженная общим именем, может иметь и родовое, и универсальное значение, и конкретно референтное прочтение (в ед. и мн. ч.); ее денотативный статус зависит от значения предиката. Ср. <13а> *Jingyu shengzhang zai haiyang zhong* "Киты живут в океане", <13б> *Jingyu shi buru lei* "Киты – млекопитающие", <13в> *Jingyu bei jizhong le* "В кита попали" и <13г> *Jingyu youzou le* "Кит уплыл (Киты ушли)". Это еще раз убеждает в том, что основные единицы китайского языка – односложные и неодносложные слова – сами по себе имеют только признаковое значение. Их лексический статус фиксируется только на синтаксическом уровне, когда они становятся актуализированными единицами – единицами речи.

П Р А В И Л О 3. Объекты, вовлеченные в личную сферу говорящего, всегда располагают эмпатией говорящего, даже если упоминание этих объектов связано с неприятной для говорящего ситуацией – <14> *Haizi men you chuangchu huo lai le* "Эти детки опять набезобразничали". Этим свойством показателя *men* говорящий пользуется и для воздействия на окружающих, вот почему *men* так часто встречается именно в прямом обращении. Ср. формы обращения к аудитории *xiansheng men* "господа", *nyshi men* "дамы", *tongxue men* "молодые люди, студенты" и их более официальные аналоги *zhu wei xiansheng*, *zhu wei nyshi*, *ge wei tongxue*. Последние свидетельствуют о сохранении говорящим определенной дистанции между собой и аудиторией. Непринужденная форма обращения с *men*, напротив, выражает стремление говорящего включить аудиторию в свою личную сферу и тем самым придать своим словам большую убедительность. Это выявляет перлокутивную функцию показателя *men*.

Непосредственный контакт говорящего с денотатом ИГ создает повод для применения *men* как оператора переключения объекта из реального мира в мир говорящего. Поэтому-то оформление ИГ на *men* плохо сочетается с наличием указательного местоимения со значением "экстремум". Хорошо говорить <15а> *Zhexie haizi men zhen taoqi!* "Какие же эти ребята шалуны!", но хуже сказать <15б> *Naxie haizi men zhen taoqi!* "Какие же те ребята шалуны!". Употребление экспрессивного наречия *zhen* "просто, воистину" дополнительно свидетельствует о неравнодушном отношении говорящего к субъекту состояния (поступка).

Напомним, что в системе личных местоимений *men* выступает как грамматический показатель мн. ч., не привнося дополнительного значения, связанного с миром говорящего. Однако наряду с нейтральной формой местоимения 1 л. мн. ч. *women*, имеется форма *zamen*, противопоставленная первой форме по линии обязательности включенности собеседника (инклюзивное "мы"). Положительное значение этого признака предполагает включение говорящим собеседника в свою личную сферу, когда он

говорит "мы с тобой (с вами)" вместо нейтрального "мы". В случае же сочетания *ren men* "люди", выражающего общее имя "человек" в его множественном прочтении, мы имеем дело со стилистической окрашенностью. Данное сочетание встречается только в возвышенном литературном стиле, когда говорящий (автор) выражает свое особенное отношение (симпатию, уважение) к обозначенному ИГ денотату, вовлекая его в мир своего повествования, например, *caoyuan shang de ren men* "люди, живущие в степи".

В заключение процитируем перевод лаконичной словарной статьи о *men* в нормативном словаре [15]: "*men* употребляется после местоимений или существительных, обозначающих лиц, для выражения множественного числа: *women* ("мы"), *nimen* ("вы"), *xiangqin men* ("земляки"), *tongzhi men* ("товарищи"). Если перед существительным стоит числительное, *men* опускается; например, нельзя сказать *san ge haizi men* ("трое детей"). Тем не менее возможно предложение <16> *Fumuqin dou si le, zhe san ge haizi men you shui lache da?* "Отец с матерью умерли, кто же вырастит этих троих детей?".

Возвращаясь к примеру <1>, отметим, что процитированную формулировку словаря можно признать точной лишь в случае, если употребление *men* не является результатом вовлечения денотата ИГ в личную сферу говорящего, но об этом в словаре ничего не сказано. При наличии числительного употребление *men* возможно в прямом обращении к денотату, когда число денотата не несет смысловой нагрузки, а входит в привычную форму обращения (*liang wei guniang men* "вы, две барышни", см. пример <16>). Появление показателя *men* в ИГ с числительным наблюдается и тогда, когда говорящий выступает в качестве покровителя (ср.: пример <16>).

Представление о личной сфере говорящего актуально не только в контексте употребления показателя *men*, своеобразного переключателя ИГ в другой смысловой режим. Понятие личной сферы говорящего позволяет интерпретировать языковые факты, с которыми мы встречаемся ежедневно, но которые мы не в состоянии объяснить. Например, сочетание слова *xiao* "маленький" и *lao* "старый" с фамильным знаком (*xiao Wang* "маленький Ван", *lao Li* "старина Ли") образует особую категорию личного имени, зависящего от возраста человека. Такая форма образовывается именно на базе фамильных знаков, поскольку в Китае фамилии, в отличие от имен, произвольно сочиняемых родителями, представляют собой более или менее закрытый список. Употребление указанных форм возможно только тогда, когда собеседник уже включен в личную сферу говорящего. Форма с *lao/xiao* противопоставляется нейтральной форме *Wang xiansheng* "господин Ван", *Wang tongzhi* "товарищ Ван", *Wang buzhang* "министр Ван" и т.п. С подобными формами определенным образом соотносятся обычное местоимение 2 л. *ni* ("ты" или "вы") и его вежливая форма *nin* ("Вы"). Последняя форма неприменима к человеку, которого говорящий включил в свою личную сферу. По отношению к старикам, которых говорящий включил в свою личную сферу покровительства, *nin* употребляется в сочетании с выражением *lao renjia* "уважаемый, пожилой человек" – <17> *Nainai nin lao renjia lei le, zuoxia xie yihuir* "Бабуся ты устала, посиди, отдохни маленько". Здесь реализуется именно элемент "почет" значения *nin*, который всегда присутствует при обращении к пожилым людям, даже тогда, когда они включаются в личную сферу говорящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тянь Аошун. О функционировании знаковой системы китайского языка. Вестник МГУ. Сер. 13. "Востоковедение", 1989. № 1.
2. Тянь Аошун. Прагматика как новый метаязык для описания изолирующих языков (на материале китайского языка) // Всесоюзная конференция по типологии. Тезисы докладов. М., 1990.
3. Talmy L. How language structures space. Berkeley. 1983. P. 227.
4. Ly Shuxiang. Shuo "men" // Hanyu yufa 汉语语法. Beijing, 1955.

5. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
6. Shiyoung Hanyu yufa. Beijing, 1983. P. 24.
7. Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.А., Солнцев В.М. Китайский язык. М., 1961. С. 56–57.
8. Hanyu ba bai ci. Beijing, 1981. P. 342.
9. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 307.
10. Hong lou meng. Beijing, 1982.
11. Тань Аошун. Предложение тождества и акт отождествления // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
12. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
13. Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney, 1980. P. 192.
14. Семантические классы предикатов. М., 1982. С. 37.
15. Xiandai Hanyu cidian. Beijing, 1984. P. 777.